

Статья А. И. Першица затрагивает целый комплекс вопросов, которые важны и сами по себе, и особенно в связи с такой существенной частью понятийного аппарата этнографической науки, как социально-экономическая (и, добавлю, социально-политическая, в чем легко убедиться, взглянув на приложение к статье) и соответствующая ей терминология. Можно было бы, конечно, заметить, что вопросы эти стоило продумать и обсудить достаточно широко еще в период оформления самого замысла энциклопедического справочника, тем более, что и задумывался он с самого начала как результат сотрудничества ученых двух стран — СССР и ГДР. Но, с другой стороны, многое могло проявиться либо, наоборот, потребовать более внимательного изучения уже как раз в ходе непосредственной подготовки словарных статей.

Как бы то ни было, создание справочника подведет определенный итог весьма интенсивному в последние полтора десятка лет процессу терминотворчества. Этот процесс развивался порой, даже опережая обогащение понятийного аппарата этнографии, что вело или к появлению многих терминов для обозначения одного и того же понятия, или, напротив, к попыткам распространить привычные термины на все более широкий и соответственно более расплывчатый круг явлений. Поэтому, если новое издание и не станет в полном смысле этого слова нормативным — здесь я целиком согласен с А. И. Першицем, — оно, во всяком случае, может представить некую точку отсчета при последующей работе с понятийно-терминологическим аппаратом этнографии. Справочник как бы зафиксирует исходный объем понятий, отражающий состояние советской и мировой этнографической науки на рубеже 70-х и 80-х годов.

В статье А. И. Першица можно указать несколько направлений, заслуживающих обсуждения. Это, во-первых, общие принципы формирования словника, включая важнейший их аспект — соотношение понятия и термина; во-вторых, вопрос об обновлении и уточнении самого состава словника и, наконец, последнее по порядку, но не по значимости, — проблема максимально адекватной передачи понятий и терминологии в процессе международных научных контактов. Конечно, содержание статьи этими направлениями не исчерпывается, но я в дальнейшем ограничусь только ими.

Важнейшие принципы, положенные в основу работы над справочником, едва ли могут вызвать какие-либо сомнения и тем менее — возражения. В частности, представляется совершенно бесспорным выбор генерального подхода к отбору терминов именно в силу его общеметодологического, мировоззренческого смысла. И точно так же, по-видимому, в статье А. И. Першица в целом правильно решается вопрос о соотношении дробности и компактности при определении состава статей. Правда, можно было бы, вероятно, более определенно и обобщенно сформулировать принцип эвристической целесообразности в качестве решающего в данном случае критерия. Ведь в конечном счете будущий справочник в том виде, в каком он сейчас складывается (имею в виду состав словника), рассчитан в такой же, а возможно, и в большей мере на этнографов, как и на более широкий круг специалистов-гуманитариев. И задача, как кажется, заключается прежде всего в нахождении разумного компромисса между требованиями, предъявляемыми к сугубо специальным и более общего характера изданиям, без перехода той грани, за которой мы бы имели дело со справочником общесоциологическим или общефилософским. Надо ведь иметь в виду, что чрезмерно общие статьи, давая более широкую перспективу, в то же время неизбежно «спрямляют» показываемый в них путь исторической эволюции; это приемлемо для историка, но недостаточно для этнографа.

Следовало бы учитывать и следующее. В ряде случаев антимарксистская трактовка тех или иных фактов и явлений зарубежными исследователями обусловлена собственно «отталкиванием» от упрощенческих и по сути дела искаженных представлений о марксистской теории общественного развития, восходящих к 30—40-м годам и имеющих хождение на Западе и в развивающихся странах еще и в наше время. Это, понятно, не меняет объективной роли таких трактовок в общей картине идеологической борьбы в науке. Но максимально подробное изложение марксистской точки зрения, в том числе и в обобщающих статьях подготавливаемого справочника, поможет сокращению числа проявлений подобного антимарксизма, основанного во многих случаях на недостаточной осведомленности.

Оценка соотношения понятия и термина как будто не дело типовой словарной статьи. Но в данном случае, при быстром расширении понятийного аппарата науки, дело обстоит несколько иначе, чем обычно. Возьмем в качестве примера рассматриваемые А. И. Першицем понятие и термин «раннеклассовое общество». К тому, что о них говорится в статье, можно добавить также, что и в марксистской литературе понятие раннеклассового общества сравнительно недавно вошло в широкое употребление, хотя, конечно, было хорошо известно и раньше. Это вытекает из небывалого обогащения наших представлений о частных закономерностях развития этого этапа вторичной формации по Марксу и о конкретных формах, какие такой этап мог приобретать у разных народов и в разных исторических условиях. Но этим же объясняется и та многозначность, которая наблюдается в его истолковании разными авторами и которую отмечает А. И. Першиц.

Здесь можно, видимо, также говорить об определенной закономерности, возникающей при движении, обобщенно говоря, от типологии (общество классовое, противопоставляемое бесклассовому) к классификации (различные формы и разновидности классового общества). Любой исследователь, изучая какой-то конкретный раннеклассовый общественный организм, добавляет к некоторой типологической «базовой» характеристике — можно заметить, что ею обычно имплицитно служат первые два значения понятия и термина, отмечаемые А. И. Першицем, — черты индивидуальные, специфичные именно для данного организма. И всякое дальнейшее обогащение конкретных знаний об отдельных стадияльно близких общественных организмах объективно должно вести к известному «размыванию» точного значения термина. Поэтому-то по возможности более четкое определение объема понятия, обозначаемого тем или иным термином, и представляется, с одной стороны, особенно важным при подготовке словника; с другой же стороны, это как раз и приводит нас к необходимости оценивать соотношение понятия и термина в самом тексте справочника. Притом такая оценка кажется, несомненно, целесообразной и полезной в максимально большом числе крупных статей.

Несколько слов об обновлении понятийно-терминологического аппарата. И понятийный аппарат, и связанная с ним терминология в социально-экономической и социально-политической областях науки существенно расширились за последние десятилетия, хотя не исключено, что в иных ее областях, скажем, в сфере теории этноса и этнических процессов, этот процесс шел быстрее или интенсивнее. И неизбежное при этом уточнение или переосмысление отдельных привычных понятий иногда порождает необходимость создать и объяснить новые понятия и термины, обозначающие те явления и факты общественной эволюции, которые с особенной ясностью выступают на передний план как раз в итоге такого уточнения или переосмысления. По всей видимости, подобные новые понятия и термины, обозначающие их, заслуживают того, чтобы быть представленными в словнике. Ограничусь одним примером.

Говоря об эволюции понятия *военная демократия* в отечественной литературе, А. И. Першиц справедливо подчеркивает, что «*военная демократия* перерастала в государство не непосредственно, а через про-

межучточные военно-иерархические и иные (например, олигархические) структуры» (с. 65). Но на основании того, что нам сейчас известно о непосредственном переходе от доклассового общества к классовому, можно, как мне представляется, утверждать, что как раз военно-иерархические структуры, во-первых, отнюдь не обязательно были в этом процессе связаны с «вырождавшейся» военной демократией, возникая и сами по себе, а во-вторых, что распространены они были несравненно шире, нежели последняя, обходясь без нее как предшествующего этапа. Такие структуры, видимо, образовывали, если и не обязательный, то, во всяком случае, один из самых типичных вариантов складывания власти в раннеклассовом обществе вне зависимости от его конкретной формационной характеристики. И даже в применении к кочевым обществам не лишен, может быть, смысла вопрос о том, к чему ближе переходные их формы: к военной демократии или к военно-иерархической структуре. Во всяком случае, по-видимому, имело бы смысл предусмотреть в словнике специальную статью о военной иерархии как переходной форме организации публичной власти на рубеже предклассового и раннеклассового общества.

В связи с вопросом о передаче русских терминов этнографии на других языках хотелось бы обратить внимание на то, что смешение обыденного и научного толкования слов — факт, более или менее присущий речевой практике едва ли не всех развитых языков мира. Такое смешение имеет, однако, в этих языках разный облик, происходит на разном смысловом уровне. При восприятии иноязычной терминологии в сознании исследователя эти уровни непременно сталкиваются. Достаточная строгость научной процедуры в какой-то мере может ограничить искажающий эффект такого столкновения. И все же несовпадение семантических полей даже при терминах, заимствуемых из классических языков, сохраняется, и с ним приходится считаться всякий раз при переводах на иностранные языки отечественных работ. В качестве одного из самых обычных примеров такого несовпадения, хорошо известного любому, кто имел дело с нашими переводами этнографической литературы, можно указать на трудности, неизменно возникающие на пути адекватной передачи на европейских языках русской терминологии, связанной с понятием и термином *нация* и их производными формами. Эти обстоятельства вновь возвращают нас к настоятельно ощутимой потребности в оценке в самом корпусе словаря соотношения между понятиями и терминами; во всяком случае, такая оценка желательна в любом случае, когда мы имеем дело с достаточно распространенным в мировой научной литературе термином.

Несомненно, что в определении исследователем семантического поля того или иного термина важнейшую роль играют, как совершенно справедливо указывает А. И. Першиц, соображения идеологические. Но он в такой же мере прав, когда подчеркивает и значение различий между национальными научными традициями для взаимопонимания между исследователями из разных стран мира. По-видимому, вопрос можно поставить и шире, говоря о национальной культурной традиции в целом. И вот как раз с этой точки зрения возникает необходимость учитывать, как тот или другой вновь вводимый термин соотносится с этой традицией, насколько он, если можно так выразиться, в ней органичен. В этой связи, мне кажется, предпочтительное употребление в англоязычной литературе термина *early state* вместо *early class society* связано не с одними только идеологическими мотивами, как бы бесспорна такая связь ни была. Заслуживает внимания то, в какой мере термин *early class society* органичен для английской культурной традиции, а не воспринимается просто как калька немецкого *Frühklassengesellschaft* (или, при переводе советских работ, нашего *раннеклассовое общество*). Нелишне в этой связи отметить, что во французской литературе однозначного термина для обозначения этой стадии общественного развития не существует. Французские авторы пользуются описательными выражениями типа *société de classes à ses débuts*. Собственно гово-

ря, и самое указание А. И. Першица на то, что проблема использования в справочнике иноязычной по происхождению терминологии решается «исходя из возможностей языка и удобства пользования терминами» (с. 67), может рассматриваться как иная формулировка этого неперемennого условия: максимальной органичности вхождения иноязычного термина в новую для него научную и общекультурную традицию. Видимо, этим только и можно руководствоваться при решении и вопроса «калька или транслитерация?», и вопроса о замене иноязычных терминов русскими, и вопроса о создании новых терминов, когда есть зарубежные аналоги для них. Все это, конечно, при условии, что мы хотим говорить о проблемах своей науки ясным и общедоступным для специалистов — так и хочется сказать «нормальным»! — языком.

Ю. И. Семенов

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ

Я согласен с подавляющим большинством общих принципиальных положений, выдвигаемых и обосновываемых в статье А. И. Першица. Не вызывает у меня сомнения вывод о необходимости рассмотрения в словаре «Этнография: основные термины и понятия» не только чисто этнографических, но и междисциплинарных понятий и терминов. Так же, как и А. И. Першицу, мне представляется предпочтительным сведение генетически, функционально, типологически родственных понятий в крупные блоки при условии, конечно, что данное укрупнение, во-первых, не должно быть чрезмерным, во-вторых, не должно исключать и отдельного рассмотрения некоторых важных по тем или иным соображениям понятий, входящих в данный блок.

Очень интересны соображения, высказанные А. И. Першицем по вопросу об обновлении понятийно-терминологического аппарата науки. В частности, на мой взгляд, давно уже назрело введение в этнографическую науку термина *вождество*. Не останавливаясь на всех этих и ряде других вопросов, мне хотелось бы подробнее затронуть лишь один, а именно — проблему соотношения терминологии и теории. Всякая теория предполагает наличие достаточно четко разработанного понятийного аппарата, а тем самым и точных терминов. С другой стороны, только теоретическая разработка той или иной проблемы может сделать возможным уточнение терминологии. Всегда существует теснейшая связь между уровнем теоретической разработки проблемы и точностью используемых терминов.

Это можно продемонстрировать на примере одного из приводимых А. И. Першицем терминов — словосочетания *раннеклассовое общество*, в которое разные авторы вкладывают далеко не одинаковый смысл. Уже тот факт, что этот термин постоянно используется самими различными авторами, обращающимися к вопросу о становлении классового общества, свидетельствует о том, что он имеет определенную научную ценность, несет в себе какое-то содержание, которое не способны выразить иные термины. Каково же это содержание?

Из четырех приводимых А. И. Першицем значений этого термина он отбрасывает как совершенно неудачное четвертое. И он в данном случае совершенно прав — для этого значения существует абсолютно адекватный термин — докапиталистическое классовое общество. Совершенно справедливо отбрасывает он и третье значение как по своему существу «камуфляжное».

Сложнее обстоит дело с первыми двумя значениями. Лишь первое из них является, по мнению А. И. Першица, адекватным. Что же касается второго, то, считает А. И. Першиц, оно основано на смешении раннеклассового общества с предклассовым. Авторы, придерживающиеся